

Держащим на врагов со молнией перун,  
Которому и Марс послушен и Нептун.  
Все рады суть сему, я паче всех доволен,  
Быв лета многие неизделимо болен,  
Надеяся, что он по милости своей  
Спокойством облечет моих остаток дней:  
В военной бо и я советником служу,  
Но не советую, а только превожу  
На русской польские патенты и дела,  
Но кроет мрачная мои зеницы мгла,  
И продолжать уже сей труд не дозволяет,  
Хотя усердием мой к службе дух пылает:  
Уже бо тридесат и слишком лет прошло,  
Как в офицерский чин мя счастье возвело,  
Шестой же от роду лет прохожу десяток,  
И в жалованьи весь мой состоит достаток,  
Да разве мне своей деревней счесть Парнасс.  
Скотины же один, но ветхий уж Пегас.  
Осьмнадцать лет служил при князе я Тавриды;  
Но к горести моей и к чувству обиды  
Тот, кто трудившихся при оном представлял  
Умершим знать меня сочтя, не написал,  
И тем лишил меня участия награды  
На штат покойного от россия Паллады,  
Котора матерни на всех щедроты льет  
И как живущим, так и мертвым воздает  
За труд к отечеству, о редка добродетель!  
Да продлит жизнь ее вселенная содетель  
До самых позднейших времен и лет, и дней,  
Для счастья подданных, для помощи царей.  
Не люди лишь одни, но рыбы, звери, птицы,  
Как удивленный перс, быв у сея царицы,  
Заметил, — от нее довольством снабдены, —  
Чего же ожидать словесные должны?  
Хоть подданным ее последним я считаюсь,  
Но милостями ее вседневно озаряюсь,  
И благодарственные песни приношу  
И буду пети ей доколе же дышу.  
Наибольшим для себя то счастьем почитаю,  
Что жизнь во дни ее на свете продолжаю.